

Касымхан Бегманов – уроженец Туркестанской области, города Кентау, известный поэт, этнограф, заместитель председателя Союза писателей Казахстана, заслуженный деятель Республики Казахстан, учредитель республиканского этнографического журнала «Дәстүр». Является лауреатом международной премии «Алаш», премии «Молодежь Казахстана». Автор шестнадцати книг и ста популярных песен. Его пьесы ставятся во многих казахстанских театрах.

Касымхан БЕГМАНОВ

ДАЙ МНЕ СИЛ, ТУРКЕСТАН

* * *

Дай мне сил, Туркестан, и терпенье продли!
 Не к тебе ль племена за удачей текли?
 Был тяжёл, приводя в мир печальных могил,
 Путь из жёлтых степей, пламеневших вдали.

О, курганы уже отдалённых времён,
 Сказ о тех, кто из жизни вчера унесён!
 Я – как будто владелец того чапана,
 Что похищен, в чужом сундуке заключён.

Как холмы изнуряют печалью своей!
 Хоть молись, хоть ушедшим построй мавзолеей...
 Не пристало мужчинам до слёз горевать,
 Но слезу в этом горьком безлюдье пролей!

Мавзолеи воздвигни, молитвы тверди,
 Разрыдайся хоть раз, уходить погоди!
 Эта круча склонилась, как нежная мать,
 Чьи-то смутные души укрыв на груди.

Мой народ, дай мне силу, терпенье продли!
 Необъятные степи мерцают вдали.
 Едут люди отсюда за счастьем сюда,
 А седые курганы на сердце легли.

* * *

Не утро, не зорька в ауле родном,
А город, объятый мерцающим сном...

Цено я ночную его красоту,
А мысленно вижу природу не ту.

Мальчонкой в степи не вчера ли я был!
Теперь меня шум городской обступил.

Далёк тот родник, то урочище, где
Так жадно я пил, наклонившись к воде.

Мальчишечья шла на лужайке игра,
Струило течение блеск серебра.

И сверстница, нежно чиста и робка,
Со мной приходила к струям родника...

Так было мне старой верблюдицы жаль,
В очах её древняя стыла печаль.

Как больно, внимая здесь лающим псам,
Подумать, что им уподобился сам!

Где ж юность? Умолк её радостный гул.
...Как мог без тебя я прожить, мой аул?

* * *

Ждал я долгие часы
Встречи и былой красы.
Тщетно всё, но так взбодрила
Свежесть утренней росы!

Погрустнел я и поник,
Чуть в древесный шелест вник.
Косогор глядит сурово
И колеблется тростник.

Луг зелёный пожелтел,
Цвет от листьев отлетел,
И душа осиротела,
Видно, это – мой удел.

Здесь, у речки, там, где рос,
Я пролью немного слёз.
Коль не свидимся, прощайте,
Рощи белые берёз!

Наш аул

Долина свергается в тёмный провал,
Где волки зывают и тянутся ввысь.
Владельцев уж нет, ибо каждый пропал
В той ссылке, где столькие беды сошлись.

Глубокой историей славен аул.
Вон купол блестит голубой Яссауи,
И письма из ссылки сбережь ты дерзнул,
Народ, выживавший в мученьях, в крови!

От Бабайкургана пойдёт Мадамтал,
Там предков схоронены дни и века.
Над степью сиять небосвод не устал,
Бежит Карашык, небольшая река.

Гонимому брату здесь предан был брат,
Никто здесь в предательстве не виноват.
В ауле родился я многострадальном.
Из ссылки никто не вернулся назад.

Не зря «золотым» поселенье зовут!
Тоскую о людях родной стороны...
Ещё поколения сменяются тут,
А песни – останутся столь же грустны.

Крайний холод, тоска...

Стужа в бесснежной степи, а здесь дерева
Замёрзли, стоят-дрожат, давно упала листва.
Я глянул в окно и вспомнил годы свои,
Они ведь не скрылись с глаз, память ещё жива.

Четверть века назад я руки к мечте тянул.
Подростком вижу себя, припомнил родной аул.
Я ведь ещё не стар, но изменилось лицо.
Упала моя душа, лишь в зеркало я взглянул.

Время на этом челе, как маленький баловник,
Узоры свои начертав, избородило лик.
Ухабы я позабыл, а в сердце живёт тоска.
В последнее время я, кажется, к ней привык.

Крайняя стужа. Уже замёрз воробей.
Но перетерпит всё и выдержит дикий гусь.
О, знал бы хоть кто-нибудь,

как тускло в душе моей!

Я думаю, мало тех, кто ведал такую грусть.

* * *

Рыхлые эти холмы, русло реки, перевал
В сердце я поселил, в тайной моей глубине,
Чтобы родной пейзаж вечно меня волновал...
Вот они сообща навстречу выходят мне.

Словно бы поглядел на своего сироту
Давний какой-то день, грустить оставшийся здесь.
Словно бы родника студёную чистоту
Некогда влил я в грудь, отсюда увёз его весь.

Не слишком я рад весне, начавшей дело своё,
Прорезавшейся листве, чьё близится торжество.
Мне жалко давнего дня, ушедшего в небытие,
Забывтого в глубине сознания моего.

Как мне подружиться с ним, отвергнутым злой судьбой?
Да и к тому же он в таком теперь далеке!
Лучшее время моё, сейчас прощаюсь с тобой,
С мерцающим где-то во мгле, с ютящимся в закутке.

Бабайкурган, Хатеги, аул мой, плеск родника.
Там чьё-то сено с арбы стащили мы – стыдно мне.
Запах степных цветов, буйного янтака.
Колючки были остры, занозы – ещё в ступне.

И эта прозрачность чувств – словно дождь проливной.
В глазах моих капли его как будто ещё стоят.
И всё дрожит на груди застенчивой девушки той
Раннее Время моё... Нет дороги назад.

Мечтаний моих объять вселенная не могла.
Теперь я с ними прощусь, больше их не верну.
Кажется, навсегда ушли они в складки чела,
Сурово погружены в душевную глубину.

Надо верить, терпеть, сколько ещё ни живи!
Счастлив, кто зла и лжи в жизни своей избежит.
А в жилах моих бурлит время первой любви,
И в глубине души детство плачет навзрыд.

* * *

Дождик польётся, насытив глубины земли,
Чтобы в предгорьях степные цветы зацвели.
С тридцатипятилетней тоской на согбренных плечах
К вам возвращусь я, мои Бабайкурган, Улгили.

Дождик пойдёт, зачастит, оживив травостой,
Мокрая бабочка тронет цветок золотой.
Что-нибудь праздную, Бабайкурган, Улгили.
Что нам поделывать – сейчас не для нас этот той!

Как же мне дорог пригорок полынный вон тот!
Где я ни буду, а память о нем не уйдёт.
Утро мечты моей – Бабайкурган, Улгили,
Эта мечта через годы прошла напролёт.

Дождик однажды насытит всю жажду земли,
 Чтобы цветы, словно девочки детства, цвели.
 С тридцатипятилетней тоской на согбенных плечах
 К вам возвращусь я, мои Бабайкурган, Улгили.

Шардара, Шардара...

О крепость над морем, над зыбью песка,
 Ты всё зеленеешь, ты сердцу близка!
 Но горько потомку – вместить в свою душу
 Не смог я твой гомон в былые века.

Синеет вода, под ступнями бурля,
 Как будто печаль о минувшем делея.
 Здесь всё поселение море накрыло.
 Лишившись людей, сиротеет земля.

Волна за волною бегут напролом,
 Душа одинока в унынье своём.
 Остался аул под немолкнувшим морем...
 Что наши потомки узнают о нём?

А чаек, над палубой вьющихся, речь
 Как будто бы силится предостеречь.
 Коль древний аул глубина поглотила,
 Завещано людям хоть море сберечь.

О море, простимся! Хранимый судьбой,
 Вернусь я к пучине твоей голубой,
 А если не свидимся, что же – исчезну,
 Как этот аул, что лежит под тобой.

* * *

Степные цветы выгорают дотла,
 И волки голодные воют вдали.
 Навек материнская речь утекла,
 Остались долги мои... Годы прошли.

Я мимо страданий людских не пройду,
 Готова душа в их огне полыхнуть.
 Так что же заставило в давнем году
 Избрать этот горький, мучительный путь?

На жёлтом, размытом водой дождевой
 Сыпучем холме моё детство прошло,
 И эта земля вечно будет со мной,
 И жить и дышать без неё тяжело.

Срываю плоды, что, бывало, от птиц
 Ребёнком стерёг я, и радостно тут...
 Во мгле над хребтами мираж многолиц,
 То предков суровые лики плывут.

Сейчас там угрюмый прилив темноты,
 Где видеть полёт скакунов я привык.
 В миражах слезами омыты цветы,
 И в жгучих слезах материнский язык.

Отырар в огне

Горит Отырар, огня ужасна сила...
 Спасайтесь, люди! Город весь в дыму!
 Иль ласточка, чьи крылья опалило,
 Тревогу прочирикала ему?

Бушует буря чёрная и яро
 До облачной взметнулась вышины,
 И в пепелище улицы Отырара
 В одно мгновенье все превращены.

Никто не видел пролетевшей птицы,
 А уж таков невиданный пожар,
 Что, кажется, устал в степи томиться
 И пеплом в небо улетел Отырар.

Как будто тело стало вдруг безглаво!
 Трещит в огне и воет саксаул...
 Сожжён мудрец,

чья не померкнет слава,
 И юноша, что в жизнь едва шагнул.

Что уцелело? Пепел на дороге...
 Какой-то цветик свеж и нежно бел...
 Ещё свисают с виселицы ноги
 Акына, что врагу проклятья пел.

Все, кто сражались до конца, сгорели,
 Как сохлая полынь, и лишь домбра,
 Что уцелела в огненной метели,
 В наставшей тьме рыдает до утра.

Верблюд упал,
 земля уж не воспрянет,
 И медленная, бледная заря
 Во глубину тысячелетья канет,
 Оттуда слабым огоньком горя.

И Каратау на холмах спалённых
 Надолго скрыт завесой темноты,
 И там, где прежде был приют
 влюблённых.
 Невянущие вырастут цветы.

Отравлен мир, неисцелима рана...
 О город мой, что цвёл благоуханно
 И стал золой!
 Ты – в сердце, ты – внутри!
 Не угасай же, вечно в нём гори!

* * *

Ах, этот свежий ключ, чьи так журчат струи!
Вдруг детство, звонкий смех возникли в забыты...
От родины вдали скитался я потом,
То волка, то лису взяв в спутники свои.

О старьёй мой аул! Он свеж и в эти дни,
Родник, что так журчит в той лиственной тени!
Он вновь напомнил мне беспечные года,
Соединив меня и жизнь моей родни.

Здесь в жилах у меня клокочет и бурлит
Ручей моих стихов и слезы льёт навзрыд.
Вот домик, в нём ушла из жизни мать моя,
Вот холмик, и в него мой детский смех зарыт.

Об асыках моих расскажет этот двор,
А здесь с любимой был последний разговор.
От времени таясь, осталось детство там,
Где, глянь во все концы, везде степной простор.

Всё помню и всегда всё то же на уме:
Однажды ведь и я приближусь к вечной тьме.
Вот среди этих трав оставил детство я,
И матушка моя лежит на том холме.

* * *

Был ребёнком я здесь, и сегодня взглянул,
Вспоминая былое, на этот аул.
Был тогда простодушен, мечтателен я,
Стал мне внятн в те дни стихотворчества гул.

Столько вёсен стремглав пронеслось надо мной,
Осенняя изгибы дороги земной.
Те, кому я был мил в те далёкие дни,
Все уже за холмом, под кошмой травяной.

Всю печаль этих гор я сегодня вдохнул.
От столетней тоски удручён и сутул,
Я в раздвоенных улиц вхожу тесноту,
Я к тебе возвратился, родимый аул.

Что мне осень навеет шуршаньем листвы,
Что в стихах моих горьких расслышите вы?
Нет, не ждут меня больше в ауле моём,
Ждущем всё же чего-то от дальней молвы.

В чаще той, где мы в детстве играли, печаль.
Мать ли встретит меня и обнимет? Едва ль...
На меня загляделась гурьба детворы.
Или детям неизвестного странника жаль?

Знает разве Аллах, что в дальнейшем пути
Повстречается мне, что случится найти.
От тебя отдаляюсь, родной мой аул!
Прослезившись, вздохнул и глаза отвернул.

Бескала

Пять моих крепостей – как моя пятерня!
Под хребтом всех эпох скрыта ваша краса.
Вы в крови и в нужде знали ярость огня,
Что сжигал изнутри...
И молчат небеса.
Насадил я цветы там, где предки прошли,
И стоит среди цветов твой прославленный сын,
Величайший поэт этой скорбной земли,
Перед всей шириной наших гор и долин.
Я пришёл к тебе, встал, сжав дыханье в груди...
Здесь томился твой дух, но в песках не иссяк.
Не твои ли потомки – на них погляди! –
Айбергенов и доблестный наш Омурзак!
С малых лет всюду два Баурджана со мной.
Реют духи родных – что времени плен!
Айберген и Жибек нашей степи родной
Дали сына могучего, как Толеген.
Здесь, в нукусской глуши, в свой придя Кынырат,
И погиб Толеген...
Всюду горечь утрат!
Луч родного раздолья судьбу пронизал.
Где ж ты, давний денёк с пыльной бурей в степи?
Но к тебе я пришёл, одолев перевал...
Будь, весна, потеплей, мерзлоту растопи!
Там, где Тактокопир и встают Казалы,
Поднимаясь, срастаются с Кызыл-Ордой,
Много пролито крови...
Гонители злы...
Я пришёл, чтоб сыскать там, за этой грядой,
След изгнанников, скрытый завесой мглы.
...Ветерок так легонько коснулся чела.
И вся горечь истории в сердце вошла.
Всё, что было в душе, на ветру зажжено,
И теперь что жара мне, что стужа – одно.
Я для горестной этой земли – не чужой,
Но, увы, лишь печаль уношу я с собой.
Силы нет отпустить этот край, он – в груди!
А теперь отдалился, и всё позади.
И уже еле вижу, как будто ослеп,
Смутный Нар и нагруженный тьмою Катеп.
– Жаль мне вас оставлять, пять моих крепостей,
Вы тоскою в душе остаётесь моей.
Оторвавшись от корня, теряясь вдали,
Вы чужбиною стали для нашей земли.
Вот простился, и всё же, и всё же на вас
С дикой болью в душе оглянулся не раз.
И вдогонку мне чья-то махала рука...
Пять моих крепостей, ваша участь тяжка!
С вашей тайной и скорбью вы прочь отошли,
Прежде бывшие частью родимой земли.

* * *

За уснувшим аулом поэт молодой, бесконечно влюблённый в весну,
Ждал – с вишнёвой улыбкой, любимую ту, раскрасавицу-деву одну...
И под белой луной он, забывшись, сидел, погружённый в поток серебра,
И в мечтах улетал далеко, за Хиву, в небывалую чудо-страну.

И едва колыхался всей белой длиной – отдалённого платья подол,
И в молчанье любимой, в её тишине – он нежданную мудрость обрёл.
И в берёзовой роще, в сиянье луны – был прекрасен уснувший аул,
И печалилось – место таинственных встреч, и рождался – влюблённый глагол...

И берёзы, и птахи – внимали стихам в этой роще, предвечно-простой,
И блистали лучи, и сверкали в ночи – чудо-очи красавицы той...
...Сколько милых я встретил потом на пути, их привык находить и терять,
Но остались в груди лишь мгновенья любви – с тихой девушкой той дорогой...

Как глядела луна восхищённо на нас с неподвижной своей высоты,
Как взволнованно голос любимой звучал среди гулкой ночной темноты.
А забытый аул, тот волшебный аул, песню сердца навек заучил,
Чтобы петь и твердить, без конца повторять те слова, что чудесно-просты.

Нынче – сердце горит, обожжённо стучит, вспомнив горького взгляда провал,
И терзает мне душу смертельная боль, что с любимой тогда испытал.
Слишком поздно узнал, что не лунный аул и не светлая девушка та –
Путь тернистый акыну навек предстоял – вечным другом и недругом стал.

И ничто никогда не могло напугать с той поры – уходящего вдаль...
Сколько бед и невзгод я ни встретил в пути, мне растроченной силы не жаль.
Потому что акыну вовек не узнать, где кончается начатый путь,
Тот, что с тайным волненьем проводит его, но обратно дождётся – едва ль.

Перевод Натальи Орловой

